

Н. О. Конопка
ОА, г. Острог, Украина,
В. А. Шкерин
ИИиА УрО РАН, г. Екатеринбург

СПОРЫ О «ЛЮБВИ К ИСТИНЕ»

«Лета 5818 И[стинного] Св[ета] Ш-го Месяца в 26 день во имя и славу Великого Строителя Миров... справедливая и совершенная вновь образованная ложа Любви к Истине на Восток Полтавы надлежащим порядком на основании правил ритуала открыта в первой степени под председательством Управляющего Мастера Новикова с помощью чиновников назначенных...»¹. Этой масонской мастерской не было суждено выделиться ни многочисленностью «братьев», ни долголетием «работ». Для нас она интересна прежде всего тем, что одним из «братьев» был Владимир Андреевич Глинка (1790–1862), будущий главный начальник горных заводов хребта Уральского. Однако о том, зачем и в чьих интересах возникла полтавская ложа, историки спорят уже целое столетие. И все они, от разоблачителей «масонских козней» до серьезных исследователей, убеждены, что история эта густо замешана на политическом интересе.

Но вернемся к приведенной цитате из «Протоколов I-й степени справедливой и совершенной ложи Любви к Истине на Восток Полтавы, состоящей в союзе Великой ложи Астреи на Восток С. Петербурга». «Хронология Истинного Света» или «масонская эра» началась за 3999 лет и 10 месяцев до Рождества Христова. Соответственно, ложа «Любви к Истине» открыла работы 26 мая 1818 г. в составе союза «Великой Директориальной ложи Астреи». Уложение союза, возникшего в 1815 г., признавало лишь низшие («иоанновские») степени посвящения и требовало «не иметь в предмете работ изыскания сверхъестественных таинств, не следовать правилам так называемых иллюминаторов и мистиков». По мнению историка С. П. Мельгунова, такие меры вводили в ложи «упрощение, более подходящее клубной обстановке»².

Событийная сторона недолгой истории полтавской ложи достаточно хорошо известна, чего нельзя сказать о смысле и значении самих событий. «Протоколы» сообщают о числе заседаний, перечисляют имена участников и названия речей. Однако содержание как этих речей, так и «профанских бесед», проведенных с вновь принимаемыми членами, не раскрывается.

Вскоре после учреждения ложи М. Н. Новиков, служивший правителем канцелярии малороссийского генерал-губернатора князя

Н. Г. Репнина, убыл по делам службы в Петербург. Вернулся он только в сентябре. Но еще до учреждения ложи Новиков и «братья чиновники... старались к открытию добродетельных членов», и «многие из достойных искателей были уже давно предложены». На первом же заседании было постановлено «работы производить еженедельно по два раза, доколе все предложенные и общим гласом чиновников одобренные искатели приняты будут в общество масонов»³. Вскоре численность ложи достигла примерно 40 человек, при этом костяк составили три частично совпадавшие группы: чиновников, представителей дворянского самоуправления и военных.

Так, из окружения Н. Г. Репнина в ложу вошли: М. Н. Новиков со своим ближайшим сотрудником Г. А. Шафонским, чиновник особых поручений А. О. Имберх и адъютант А. Е. Панин. Полтавское губернское чиновничество представляли: вице-губернатор А. И. Свечин, прокурор И. А. Горбовский, советник губернского правления Л. М. Дьяков, надзиратель воспитательного дома для бедных дворян И. П. Котляревский. Возможно, в ложе состоял и екатеринославский гражданский губернатор В. Л. Шемиот⁴. Из представителей дворянского самоуправления назовем маршалов (предводителей) губернских: настоящего и бывшего полтавских – В. И. Чарныша и С. М. Кочубея, екатеринославского Д. Л. Алексева; маршалов поветовых (уездных): опять же настоящего и бывшего полтавских – С. Ф. Левенца и В. В. Тарновского, переяславского В. Л. Лукашевича, гадячского С. Ф. Войну, прилукского Я. А. Горленко, хорольского С. Л. Алексева. Депутатами дворянского собрания Полтавской губернии были И. М. Магденко и Н. И. Высоцкий. Военных представляли подполковники В. А. Глинка и И. М. Карпов, капитан Ф. Ф. Ремерс, гвардии штабс-капитаны В. И. Заньковский и А. Е. Панин, гвардии поручик Д. П. Селецкий, а также один из «отсутствующих братьев» – ротмистр И. М. Бибигов.

«Отсутствующими братьями» назывались члены ложи, жившие вдали от места ее «работ». Полтавцам таковые были нужны для представительства в столичной «Великой ложе Астреи». Официальным представителем ложи считался литературный критик и издатель, уроженец Полтавы В. И. Григорович, а его помощником – И. М. Бибигов, бывший адъютантом князя Репнина в 1814–1815 гг.⁵ По мнению Ю. М. Логмана, основанному на списках «Астреи» («Tableau General de la Grande Loge Astrée»), наряду с Бибиковым «отсутствующим братом» числился и чиновник А. П. Величко⁶, однако в полтавских «Протоколах» его имя не упоминается.

Проведя 21 заседание, ложа внезапно оказалась закрыта по высочайшему повелению от 12 марта 1819 г. Причины запрета остались

без объяснений. Репнин уверял, что в ложе «ничего предосудительного не происходило». Очевидно, Александр I посчитал иначе. Состав ложи как нельзя лучше подходил для оказания влияния на общественное мнение в генерал-губернаторстве. Но в каком направлении и зачем предполагалось оказывать это влияние? Исследователи выдвинули несколько версий.

Первая связана с личностью Михаила Николаевича Новикова. Он не только приходился родственником известному масону екатерининской эпохи Н. И. Новикову, но и представлял заметную фигуру в ранних декабристских обществах. Если верить показаниям подследственного П. И. Пестеля, то именно М. Н. Новиков принял его в Союз спасения, а также составил проект конституции, подавший ему «первую мысль о республиканском правлении»⁷. Ложа «Любви к Истине» могла быть использована Новиковым для вербовки новых членов Союза благоденствия.

Действительно, два полтавских «брата», В. А. Глинка и В. Л. Лукашевич, были приняты в тайное общество декабристов. Как «братья-посетители» (гости) в ложе бывали декабристы-масоны князь С. Г. Волконский и М. И. Муравьев-Апостол. «Брат» И. М. Бибиков в декабристских обществах не состоял, но женат был на Екатерине Муравьевой-Апостол – сестре трех заговорщиков: Матвея, Сергея и Ипполита. Это обстоятельство погубило его карьеру после 14 декабря 1825 г. По предположению Ю. М. Лотмана, М. Н. Новиков также мог быть связан с Оренбургским тайным обществом, которым руководил отец А. П. Величко – П. Е. Величко. Показательно и двойное (на 13-м и 14-м заседаниях) прочтение Новиковым речи «О влиянии масонства на благо общественное». В это же время он привез из столицы в Полтаву «Законоположение Союза благоденствия», в котором утверждалось, что «первый естественный закон есть соблюдение блага общего»⁸.

У «декабристской» версии немало сторонников. Местом вербовки членов Союза благоденствия считали полтавскую ложу такие корифеи, как В. И. Семевский, С. П. Мельгунов, Т. А. Бакунина⁹. Подобной же точки зрения придерживались историк-эмигрант А. Г. Мазур, советский академик Н. М. Дружинин и современные историки А. И. Серков, В. М. Бокова, В. С. Брачев¹⁰. Для Н. И. Ульянова полтавская ложа – «форма соединения двух фронд: декабристской и украинствующей»¹¹. Иногда ее называют «прикрытием» для декабристской управы¹², а О. А. Платонов даже пишет о ложе, как «целиком входившей» в Союз благоденствия¹³.

Другая версия, выдвинутая Б. Н. Равдиным и А. Б. Рогинским, связывает полтавскую ложу с либеральными планами Александра I.

В 1816 г. в Эстляндии и в 1817–1819 гг. в Курляндии и Лифляндии с подачи местных помещиков было упразднено крепостное право. Следующей должна была стать Левобережная Украина. Император негласно поручил князю Н. Г. Репнину организовать подачу соответствующего проекта малороссийскими помещиками. Генерал-губернатор адресовал «препоручение» С. М. Кочубею. Последний оказался в положении отчаянном: с одной стороны рисковал подвергнуться дворянскому гневу, с другой – прослыть царевым ослушником. Осенью 1817 г. Александр посетил Полтаву, остановился в доме Кочубея и, очевидно, убедился в тщетности надежд на него. Лишь в конце года Кочубей через Репнина направил царю проект, в котором вместо освобождения крестьян предлагал «минимальные, но реальные меры». В январе 1818 г. Репнин призывал дворянские собрания Полтавы и Чернигова «содействовать отцу отечества и в попечении его о устройении внутреннего благоденствия». В апреле пришел высочайший отзыв на кочубеевский проект, оценка которого была выражена словами: «езде неопределенность и темнота, которые послужат, без сомнения, к утеснению крестьян». К тому же речи Репнина, не воодушевив украинских помещиков, вызвали в империи общую дворянскую тревогу. Тогда-то, в мае, и открылась полтавская ложа, объединившая окружение наместника и дворянских маршалов. А уже в июле Репнин убеждал монарха, что «в крае сем сверх Кочубея многие есть благонамеренные помещики, кои желают только узнать волю вашего императорского величества и готовы на человеколюбивые жертвования».

«Организация ложи в Полтаве была в большей степени связана с реакцией дворянства на январскую речь Репнина, чем с постановлениями Союза благоденствия о провинциальных управах, – резюмируют Б. Н. Равдин и А. Б. Рогинский. – В отличие от Пестеля, которого отказ малороссийского дворянства откликнуться на обращение своего губернатора привел к мысли о невозможности широкого общественного движения в пользу отмены крепостного права и только подтвердил его идею необходимости создания узко-конспиративной тайной организации, Новиков расценил этот факт как результат недостаточной идеологической подготовленности дворянства к преобразованиям»¹⁴.

Третья версия связывает историю полтавской ложи с автономическими устремлениями украинского дворянства и политическими амбициями князя Н. Г. Репнина. Один из основателей концепции «украинского декабризма» С. Ефремов, признавая, что в изучаемую эпоху «масонство на Украине меньше всего можно назвать украинским масонством», делал исключение для двух лож союза «Астреи»: полтавской и киевской «Объединенных славян»¹⁵. Членом обеих, «живой нитью» между авто-

номистами Киева и Левобережной Украины, а также агентом соответствующего влияния на Репнина, по его мнению, был маршал Переяславского повета Василь Лукич Лукашевич¹⁶.

Следствие по делу декабристов было встревожено показаниями ряда подследственных о Малороссийском тайном обществе, якобы созданном Лукашевичем ради отделения Украины от России и последующего перехода под покровительство Польши. Князь Н. Г. Репнин получил предписание Следственного комитета об аресте и препровождении в Петербург Лукашевича, Кочубея и Тарновского, «бывших членами ложи Новикова». Сам М. Н. Новиков скончался еще в 1824 г. Не был выслан в столицу и тяжело больной Тарновский. Зато не избежали ареста предводители дворянства братья Алексеевы. Вскоре С. М. Кочубей и С. Л. Алексеев, а затем и Д. Л. Алексеев были освобождены. Только Лукашевича продолжали держать в крепости, вновь и вновь допрашивая по поводу Малороссийского общества. В сентябре 1826 г. выпустили и его, но не на свободу, а на поднадзорное житье в собственном имении Борисполь под Киевом.

Следствие решило, что Малороссийского общества не существовало. Правитель дел Следственного комитета А. Д. Боровков отметил в мемуарах, что это общество «намеревались образовать из масонских лож – в Полтаве... Новиков и в Полтавской губернии маршал Лукашевич и предположили целью независимость Малороссии, но остались при попытках, и общество не осуществилось»¹⁷. В позднейшей литературе история Малороссийского общества и полтавской ложи представлена не столь однозначно. В частности высказывается мнение о национальном характере ложи. Аргументами выступают как членство в ней «основателя современной украинской литературы» И. П. Котляревского и иных представителей украинского дворянства, так и сами контакты с Малороссийским обществом¹⁸. Другие украинские историки полагают, что общество возникло уже после закрытия ложи и кончины М. Н. Новикова, то есть не ранее конца 1824 г., или все еще пребывало в стадии становления на момент ареста В. Л. Лукашевича¹⁹.

Тревожно чувствовал себя после разгрома декабристов князь Николай Григорьевич Репнин: покровителю М. Н. Новикова и родному брату С. Г. Волконского нелегко было очиститься от подозрений. Не на пользу теперь была и собственная женитьба на внучке последнего украинского гетмана К. Г. Разумовского. Киевский историк Ю. В. Латыш отмечает претензии князя Репнина на «гетманскую булаву»²⁰. Московский историк О. И. Киянская предполагает в его действиях еще более сложную интригу: «По-видимому, генерал-губернатор... занял выжидательную позицию. И если бы заговорщикам удалось победить, Репнин стал бы

единоличным правителем Малороссии, – в ту пору иной кандидатуры на эту должность просто не было. Приобрела бы... Малороссия независимость или просто возвратила бы себе свои автономные права и свободы – остается только гадать»²¹.

Таковы три версии, условно говоря, «декабристская», «либерально-реформаторская» и «автономистская», политического бытия масонской ложи «Любви к Истине». Едва ли стоит дискутировать о том, создал ли М. Н. Новиков ложу для нужд тайного общества или этот шаг был обусловлен стремлением организовать дворянскую поддержку действиям князя Н. Г. Репнина. Потаенные цели императора и заговорщиков в тот момент оказались столь близки, что требовали одних и тех же действий. Учреждая ложу для поддержки инициатив Александра I и Репнина, Новиков планировал использовать ее и для вербовки новых членов Союза благоденствия. Объединение же в ее стенах украинской элиты, независимо от намерений Новикова, способствовало усилению автономистских надежд. Некоторые поводы к таким надеждам подавал и сам генерал-губернатор. Однако полтавские масоны, возможно, за исключением В. Л. Лукашевича, даже не мечтали о независимости Украины. Запрещая деятельность ложи в 1819 г., Александр I явно переоценил ее опасность для целостности империи.

Декабристская, либерально-реформаторская и автономистская тенденции могли сосуществовать в рамках полтавской ложи еще и потому, что история отмерила ей слишком короткий срок. Просуществовав ложа дольше, и внутренние противоречия, вероятно, раскололи бы ее и без вмешательства верховных властей.

Примечания:

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 398. Д. 34. Л. 3.

² Мельгунов С. Дела и люди Александровского времени. Берлин, 1923. Т. 1. С. 258.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 398. Д. 34. Л. 4–4 об.

⁴ Ланда С. С. Мицкевич накануне восстания декабристов // Литература славянских народов. М., 1959. Вып. 4. С. 108.

⁵ Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000 гг.: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 1045.

⁶ Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллин, 1992. Т. 2. С. 327–330.

⁷ Восстание декабристов: Материалы. М.-Л., 1927. Т. IV. С. 80, 91, 101.

⁸ Законоположение Союза Благоденствия // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 1. С. 239.

⁹ Бакунина Т. А. Русские вольные каменщики. Париж, 1934. С. 19–20; Мельгунов С. Указ. соч. С. 264; Семевский В. И. Декабристы-масоны // Минувшие годы. 1908. С. 411.

¹⁰ Бокова В. М. Эпоха тайных обществ. М., 2003. С. 193; Брачев В. С. Масоны и власть в России. М., 2005. С. 286; Дружинин Н. М. Революционное движение

в России в XIX в. М., 1985. С. 327; Серков А. И. История русского масонства XIX века. СПб., 2000. С. 180–181; Mazour A.G. The First Russian Revolution. 1825. Berkly, 1937. P. 52.

¹¹ Ульянов Н. И. Украинский сепаратизм. М., 2004. С. 255.

¹² Полтавщина: Енциклопедичний довідник. Київ, 1992. С. 228.

¹³ Платонов О. А. Терновый венец России: Тайная история масонства 1731–1996. М., 1996. С. 89.

¹⁴ Равдин Б. Н., Рогинский А. Б. Записка декабриста М. Н. Новикова «О земледелии и мануфактурах в России» // Освободительное движение в России. Саратов, 1975. С. 126.

¹⁵ Єфремов С. Масонство на Україні // Наше минуле. 1918. № 3. С. 9.

¹⁶ Єфремов С. Біля початків українства: Генезис ідей Кирило-Методієвського Брацтва // «Українські декабристи чи декабристи на Україні?»: Рух декабристів очима істориків 1920-х років. Київ, 2011. С. 36.

¹⁷ Боровков А. Д. Из воспоминаний правителя дел Следственной комиссии // Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988. С. 298.

¹⁸ Дорошенко Д. Нарис історії України. Київ, 1992 (Репринтне видання: Мюнхен, 1966). Т. 2. С. 277–278; Грицак Я. Нарис історії України. Формування модерної української нації XIX–XX століття. Київ, 1996. С. 31 і др.

¹⁹ Конта Р. М. Державотворчі ідеї білядекабристських організацій в Україні у першій чверті XIX століття // Вісник Київського національного університету. Історія. Вип. 68–70. Київ, 2003. С. 27; Лисенко М. До питання про Малоросійське товариство // Український історичний журнал. 1967. № 4. С. 74.

²⁰ Лагиш Ю. Тарас Шевченко і декабристи (До концепції та історіографії проблеми) // Декабристи в Україні: дослідження й матеріали. Київ, 2005. Т. 4. С. 151.

²¹ Киянская О. И. Очерки из истории общественного движения в России в правление Александра I. СПб., 2008. С. 291.